УДК 821.111
5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

Е.М. Луценко
Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В БОРЬБЕ ЗА «ИСТИННОГО ШЕКСПИРА»: ИСТОКИ ПОЛЕМИКИ О НОВОМ МЕТОДЕ ПЕРЕВОДА В 1930-Е ГГ.

Статья посвящена осмыслению термина «эквилинеарность» в издательской и переводческой практиках 1930-х гг. Акцент сделан на неоднозначности трактовки этого понятия и тех разногласий, которые привели к «войне на шекспировском фронте». На основе анализа архивных и недавно опубликованных источников восстанавливается широкая и, во многом, неоднородная картина шекспировских переводов этого периода.

А.А. Смирнов, М.М. Морозов, К.И. Чуковский, А.Д. Радлова, эквиритмия, перевод, метод.

«Буквализм не бранное слово»

В последние годы вопрос о точности в переводе, вызвавший большую дискуссию в первой трети XX в., все больше привлекает отечественных литературоведов, своими работами подтверждающих высказывание М.Л. Гаспарова о том, что буквализм «не бранное слово, а научное понятие» [3, с. 112].

Огромная роль в изучении проблемы эквилинеарности и эквиритмичности переводов Шекспира принадлежит Б.С. Кагановичу: более тридцати лет ученый занимался изучением архивных и печатных материалов, связанных с литературоведческой деятельностью А.А. Смирнова. Среди трудов Кагановича отметим его книгу, в которой восстанавливаются обстоятельства жизни и научной биографии Смирнова [9; 7]. Среди других исследований, посвященных этому вопросу, отмечу коллективную монографию под редакцией М.Э. Баскиной «Художественно-филологический перевод 1920–1930-х» (2021), а также монографию «Поверженные буквалисты» А. Азова (2013).

В коллективной монографии под редакцией Баскиной представлена широкая панорама 1920–1950-х гг., в которой вопросы теории перевода предстают в неотъемлемой связи с его практикой. Во вступительной статье к этому изданию обозначена общая тенденция до и после Великой Отечественной войны: от точного перевода – к переводу доместицирующему.

Не вполне, однако, можно согласиться с мыслью о том, что «многотомные издания, начатые до войны с установкой на новый уровень филологической точности, как собрания сочинений Шекспира и Гёте, были продолжены в компромиссном ключе» [1, с. 9]. Безусловно, в 1930–1950-е гг. политику шекспировских изданий в России определял Александр Александрович Смирнов – шекспировед, литературовед-западник, ученик А.Н. Веселовского, «одна из легенд петербуржско-ленинградской школы» [9, с. 7]. Назвать позицию А.А. Смирнова компромиссной в отношении работы над полным собранием сочинений (далее – ПСС) Шекспира было бы, на мой взгляд, неверно, о чем, прежде всего, свидетельствует метод перевода, которому ученый оставался верен всю жизни и полемике вокруг которого посвящена эта статья.

Принято считать, что дискуссия вокруг Шекспира связана с противостоянием К. Чуковского и А. Радловой. На мой взгляд, это не совсем так, и круг лиц, вовлеченных в литературную схватку, шире. Более того, я полагаю, что предпосылки этой полемики – в противостоянии Смирнова и Чуковского, а дело Анны Радловой – лишь следствие. Подтверждением этой гипотезы может служить реконструкция событий тех лет, выполненная в данной статье на основе анализа архивных и недавно опубликованных материалов – деловой корреспонденции А.А. Смирнова, а также переписки Т.Л. Щепкиной-Куперник с М.Н. Зелениной и А.Д. Радловой (см.: [11; 12; 13; 14]).

Вопрос о *новом методе перевода* ставится Смирновым в связи с подготовкой к печати ПСС Шекспира. Впервые – в 1929–1930-м, когда в ЛЕНГИЗе планировалось издать комедии Шекспира в переводах дореволюционного периода, тщательно их отредактировав, а великие трагедии перевести заново, заказав новые тексты М. Лозинскому, А. Радловой, Т. Щепкиной-Куперник, М. Кузмину и др. Однако в свет вышел лишь один том в «скверных, слегка подновленных старых переводах» (цит. по: [9, с. 123]).

В 1932 г. возникает идея публикации ПСС Шекспира для издательства «Academia». Распределение пьес по томам принадлежало А.А. Смирнову. Изначально соредактором А.А. Смирнова был назначен Г.Г. Шпет. В марте 1935-го Шпет был арестован, объявлен «врагом народа»; после 17 апреля 1935 г. в Протоколе совещания по изданию ПСС имя Шпета больше не упоминается [6, с. 227]. Тогда же, в 1935 г., принято решение о том, что ПСС выйдет под общей редакцией С. Динамова, а редактирование всех переводов возьмет на себя А. Смирнов (см.: [9; 11, с. 225]).

Только четыре тома ПСС Шекспира были выпущены в издательстве «Academia». Первым был опубликован том 5 (1936 год). Затем, в 1937-м, – тома 1–3 (комедии и первая половина хроник). Тома 4, 6, 7, 8 появились в «Гослитиздате» – после разгрома «Academia».

Смирнов, однако, был очень недоволен обстановкой в «Гослитиздате» в связи с тем, что летом 1937-го директором был назначен С.А. Лозовский, при котором политика публикаций изменилась, и шекспировские издания сильно пострадали – их стали издавать без научного аппарата. «Новый зав. Моск<овского> Литиздата Лозовский решил показать свою власть во всю и устроил Ленинграду форменный разгром. Все планы перековерканы, все мои предложения провалены», – сетует Смирнов в письме от 1 сентября 1938 г. [11, с. 218]. Вскоре начали пропадать ключевые сотрудники издательства. «Сильно поредели ряды <…> уже нет Гачева. Все зависит от Луппола...» (Там же, с. 227). Дмитрий Иванович Гачев не просто покинул свой пост – в феврале 1938 г. он был репрессирован, а затем отбывал срок в лагере [4]. Вскоре не станет и Ивана Капитоновича Луппола, главного редактора «Гослитиздата»: его арестуют в 1940-м, но расстрел будет заменен пожизненным заключением.

Неоднозначный термин?

В письме Густава Шпета от 21/22 апреля 1934 г. упоминается статья Смирнова «Обновленный Шекспир». В ней объясняется необходимость нового ПСС: «…все прежние переводы Шекспира <...> способны дать о подлиннике лишь самое превратное впечатление…» [17, с. 3].

Смирнов полагал, что переводческий метод, идеи которого были сформулированы А. Дружининым в предисловии к его переводу «Короля Лира» (1856), сильно устарел. Дружинин «громко заявлял свое право подчищать и подслащать Шекспиров текст» [6, с. 736–737]. Согласно Дружинину, передавать шекспировскую мысль в точности означает «вводить в русскую поэзию чуждый нам эвфуизм» [17, с. 3].

Структура и первоначальные принципы ПСС Шекспира были разработаны А. Смирновым и Г. Шпетом в «Инструкции для переводчиков». В пунктах 3–6 подробно описаны все основные постулаты: перевод делается точный, с соблюдением «ясного и отчетливого русского синтаксиса», «рифмованные строки передаются соответственно» (Там же, с. 207), цезуры сохраняются лишь в редких случаях, анжамбеманы – только для «особой выразительности», «каламбуры и шутки передаются по возможности» (Там же, с. 208). Любые отступления от текста отдельно оговариваются в примечаниях «с указанием оправдывающего источника или авторитета» (Там же, с. 209).

Шпет и Смирнов долгое время не могли договориться, в каком переводе давать ряд пьес для ПСС. Особенно это касалось Анны Радловой, ее тексты Шпету категорически не нравились. Поначалу Смирнов относился к работе Радловой очень положительно. Радлова способна «воспроизвести подлинный тон Шекспира, всю гениальную гибкость и эмоциональную выразительность его стиля» [17, с. 3]. Смирнов также отмечает «исключительную точность и мастерство» переводов Радловой: «Я останавливаюсь на переводах А. Радловой, чтобы сказать, чего на этом пути можно достигнуть и как можно оживить и приблизить к нам Шекспира не каким-либо “приспособлением”, а единственно лишь точным воспроизведением его стиля» (Там же). Однако впоследствии Смирнов понял, что Радлова трактовала понятие эквилинеарности иначе, чем он, что привело к разногласиям в совместной работе.

Помимо смысловой точности, перевод должен быть метрически точными, ибо особенность метра также отражает мировоззрение драматурга, от него зависит «качество шекспировского стиля» [17, с. 3]. Эквилинеарность не самоцель, а «препона против произвольных, ослабляющих подлинник добавлений» [18, с. 165]. Иными словами, Смирнов трактовал понятие «эквилинеарности» как сочетание точности метрической и смысловой. Отказ от эквиритмии и эквилинеарности, по Смирнову, оправдан лишь в исключительных случаях:

«Добавочные строки при переводе Шекспира допустимы в количестве никак не более 5 % <...> и лишь в тех случаях 1) когда без этого неизбежно получилась бы утрата существенных частей текста или важных оттенков выражения 2) когда метрико-синтаксический рисунок подлинника в этом месте несущественен» [6, с. 176].

По мнению же Радловой, следует сознательно пожертвовать эпитетами и «деталями мыслей и образов» в тех случаях, где точность вредит поэтической выразительности (Там же, с. 29). «Считая эквиритмию или эквилинеарность <...> в принципе правильной, я не делаю из нее фетиша...», – писала Анна Радлова в статье «О переводе» [16, с. 26]. Самое главное – передать «насыщенность действия, стремительность в развертывании событий» [15, с. 4]. Отсюда – стремление к максимальной краткости, лаконичности текста. «Нельзя рассчитывать на то, что зритель будет ходить в театр с несколькими томами толковых словарей и немецких комментариев к Шекспиру» (Там же). Непроизносимых тирад нужно избегать, и потому стремиться к экономии средств, «максимальной понятности русского текста» (Там же).

Несмотря на возникшие разногласия, все четыре перевода Радловой вошли в ПСС Шекспира 1936–1950 гг[1].

Когда началась «война на шекспировском фронте»?

Острая полемика, или, по мнению Смирнова, «война на шекспировском фронте», развернулась вокруг тех переводов А. Радловой, о которых Смирнов изначально высказывался положительно и даже восторженно. В этой дискуссии следует, на наш взгляд, учитывать помимо мнения К.И. Чуковского и А.Д. Радловой, позицию других ее участников – прежде всего, самого А.А. Смирнова, а также М.М. Морозова и Д.П. Мирского.

Принято считать, что полемика вокруг переводов Радловой вспыхнула в 1935 году, когда «Отелло» и «Макбет»[2] стали объектом резких высказываний К. Чуковского, Ю. Юзовского и других критиков. На наш взгляд, начало полемики – 1934 год, когда Чуковский впервые выразил Смирнову недовольство

[1] В 1936-м – «Трагедия об Отелло, венецианском мавре» (т. 5), Трагедия о Макбете» (т. 5). В 1937 г. – перевод «Ромео и Джульетты» (т. 2). В 1941-м – «Трагедия о короле Ричарде III» (т. 4).
[2] Переводы этих пьес вышли в свет в 1935 г. в ЦЕДРАМе.

новым методом перевода. Подчеркну: мишенью для критиков была не только и не столько Радлова, но прежде всего *метод* Смирнова, так как Смирнов наряду с Е. Ланном, Г. Шпетом, Б. Ярхо, И. Аксеновым был Чуковским «отнесен к буквалистской школе…» [8, с. 722].

Как указывает Б.С. Каганович, в 1934 г. в «Правде» вышла статья Чуковского «Искаженный Шекспир» – полемический отклик на однотомное издание Шекспира под редакцией М.Н. Розанова (ГИХЛ, 1934), куда вошли переводы Лозинского, Кузмина, Соловьева, Щепкиной-Куперник. В «Искаженном Шекспире» Чуковский не только категорически отвергает новый перевод «Короля Лира» (Кузмин), но и резко критикует позицию Розанова – «ответственность за неточное воспроизведение текстов падает раньше всего на него» (цит. по: [6, с. 737]). Кузмин в своем переводе «тискает и кромсает Шекспира до последних возможностей», «отрубает шекспировским фразам и руки, и ноги (а порою и головы), лишь бы только втиснуть их в свой маловместительный стих» (цит. по: [6, с. 736–737]). Эта же стилистика, по мнению Чуковского, свойственна и самому Розанову.

В расширенном варианте статья Чуковского была опубликована позднее в журнале «Красная новь» (1935, № 1) под новым названием – «Единоборство с Шекспиром». С первых строк чувствуется безапелляционность суждения критика: «Никакого Шекспира тут нет» [21, с. 182]. К имеющимся претензиям добавились новые. Это – «изъятие ценнейших эпитетов» (Там же с. 183) и, наоборот, наделение текста эпитетами, которых нет в оригинале; русификация подлинника, неряшливое обращение с русской речью.

Если в статье 1934 г. Чуковский упрекает Розанова («мы видели, какова литературная квалификация редактора» [20, с. 3]), то уже в 1935-м он открыто говорит о том, что в «изъянах» перевода виноваты «ложные принципы», навязанные переводчику [21, с. 191]. Безусловно, это открытый выпад против Смирнова.

Поначалу Смирнов «был согласен с оценкой Чуковским работы М. Розанова» [9, с. 131]. В это же время, в 1934 г., получив предложение сотрудничать с «Academia», Чуковский задумал написать статью о переводах Шекспира. Соблюдение принципов эквиритмии, по Чуковскому, неизбежно ведет к дефектам перевода, к «лающему» стилю. Это происходит ввиду несоответствия грамматического строя двух языков – английские слова короче русских, поэтому при переводе не следует переводить эквиритмически. Изучив принципы Чуковского, Смирнов выступил против решения ввести Чуковского как консультанта в состав редколлегии ПСС Шекспира [9].

В качестве рецензента ПСС был приглашен Д.П. Мирский, отнюдь не разделявший идеи Смирнова. Мирский называет эквилинеарность «механической игрой в мнимую “точность”» (цит. по: [2, с. 85]). Нельзя, чтобы Шекспир заговорил «на русском языке, изобретенном специально для “эквиритмической” проработки Шекспира» [6, с. 217].

В открытую полемику с Чуковским Смирнов вступил в 1935 г., раскритиковав его доклад в Пушкинском Доме. Из письма Смирнова Шпету: «Я в очень вежливых выражениях раскрыл всю непродуманность его [Чуковского. – *Е. Л.*] “установок” <…> Впечатление на этом вечере получилось для него убийственное, и я в точности знаю, что он бешено зол на меня <…> Иметь такого искусного и влиятельного врага очень неприятно» ([12, л. 6]; подробнее см.: [9]).

Чуковский полагал, что ведет «полемику вокруг <…> черствых, косноязычных антихудожественных переводов» А. Радловой [23, т. 3, с. 175]. К нему примкнули Ю. Юзовский, Л. Боровой, В. Кожевников. Также выступали сторонники Радловой – актеры и журналисты. Из воспоминаний Чуковского: «На них (Юзовского и Борового) обрушились “влиятельные” журналисты эпохи. Юзовский был назван в печати “бараном”, “свистуном” и “невежей”. Боровой подвергся таким же нападкам. Нападки перемежались угрозами: “Этих свистунов и любителей легкой победы надо призвать к порядку”» (Там же).

В 1939 г. Радлова, по мнению Смирнова, «пустилась на самые крайние меры» [11, с. 232], добившись того, что в литературно-критическом журнале «Красная новь» была снята публикация Чуковского. Это подтверждал и сам Чуковский: «Моя статья о ее переводах была по распоряжению свыше вырезана из “Красной нови” (к огорчению ее редактора Александра Фадеева)» [23, т. 3, с. 176].

Текст Чуковского был опубликован годом позже в другом издании: «Сейчас прочел в “Театре” № 2 статью К. Чуковского об Анне Радловой под жестоким заглавием “Астма у Дездемоны” <…> Воображаю ярость Анны Дмитриевны», – пишет Смирнов [11, с. 235]. В пятом разделе статьи Чуковский иронически замечал: «“Шекспир возрождается на русском языке, – ликовал по поводу радловских переводов ученый шекспировед А.А. Смирнов. – Это тот подлинный Шекспир, какого мы до сих пор не знали и не имели”[3]. Прославляя “новый метод”, впервые примененный Анной Радловой при переводах “Отелло” и “Макбета”, Смирнов утверждал, что исключительно так можно верно передать и приблизить к нам Шекспира. “Только через такие переводы читатель, не владеющий английским языком, может понять и критически освоить шекспировское наследие”» [23, т. 3, с. 183].

Чуковский называет метод эквилинеарного перевода «мнимонаучным», «формалистическим» (Там же, с. 182). «Научность, – пишет Чуковский, – заключалась в объективном учете всех формальных элементов переводимого текста, которые переводчик обязан воспроизвести с педантической точностью» (Там же).

Как явствует из писем Смирнова, против переводов Радловой открыто выступал также М.М. Морозов: «…заготовленные ею пылкие заявления ее друзей с дифирамбами по поводу ее перевода – Остужева и др., кот<орые> должны были быть напечатаны, – до сих пор нигде не появились. *Воображаю, как хлопочет милейший М.М. Морозов!* Я же каждый день, просыпаясь, благодарю создателя за то, что ввиду прекращения между нами всяких отношений, не вынужден принять участие в этой страшной (во всех смыслах!) борьбе» (курсив мой. – *Е. Л.*) [11, с. 232–233].

[3] Цитируя Смирнова, Чуковский ссылается на его статью в «Литературном Ленинграде» [17].

Конфликт между Морозовым и Смирновым достигает в это время своего апогея – отношения сходят «на нет», а Морозов говорит о своем коллеге как об «исчадии ада», предупреждает о его «гнусном облике» М.Н. Зеленину и Щепкину-Куперник (из письма от 21 февраля 1937 г.) [14].

Смирнов избегал открытого столкновения со своими оппонентами. В одном из писем Щепкиной-Куперник он замечает: «…переводы Радловой обладают большими достоинствами, но в то же время и значительными недостатками, кот<орые> *Чуковский довольно правильно указал, хотя и сильно их преувеличил*» (письмо от 26 декабря 1939 г.) [11, с. 233].

Сдержанная позиция Смирнова стоила ему отношений с Радловой, которая, как он пишет, «проклинает его», так как он якобы «перешел на сторону Чуковского» (Там же). В 1939 г. Смирнов полностью прекращает общение с семьей Радловых, с которой долгое время дружил.

«Травля» Анны Радловой

Зимой 1940 г. состоялась Шекспировская конференция Всесоюзного театрального общества, на которой выступали М. Морозов, К. Чуковский, В. Кожевников, А. Радлова и др. Смирнов участия не принимал.

Конференцию открывал М.М. Морозов, выступавший с докладом «Реализм Шекспира и переводы Шекспира на русский язык». С критикой переводов Радловой выступили Кожевников и Чуковский. И Морозов, и Чуковский противопоставляли переводы Радловой старым переводам – Вейнберга, Дружинина, Кронеберга, которые «многословны, неточны, наивны, но в них есть бережное отношение к Шекспиру, есть стремление посильно воссоздать поэтическое обаяние Шекспира» [9, с. 4]. Морозов призывал использовать «диалектический подход» к понятию точности в переводе, учитывать, какой именно текст Шекспира мы переводим. Принцип эквилинеарности относителен, соглашался Кожевников.

Доклад Чуковского назывался «К методике переводов Шекспира», Кожевникова – «Проблемы советского перевода Шекспира» [19, с. 4]. По мнению Чуковского, Радлова служит «фетишу равностречия», что объясняется «влиянием фетовской школы, которая в погоне за равностречием губит всю интонационную структуру оригинала» [5, с. 2].

К полемике присоединились Г. Шенгели, В. Шершеневич, С. Радлов, С. Михоэлс и А. Остужев[4]. Как вспоминал Чуковский, в защиту Радловой выступил «один известный в ту пору артист», который «заявил, что так как Шекспир сочинял все свои пьесы для сцены, их невозможно судить как произведения поэзии. Какие бы то ни было литературные критерии к ним неприменимы совсем» [23, т. 3, с. 176]. Судя по всему, здесь как раз имеется в виду А. Остужев, настаивавший на том, что шекспировский текст следует понимать прежде всего как предназначенный для сцены. На его речь ссылается один из обозревателей конференции [5].

Остужеву возразили Чуковский и Кожевников. Кожевников указал на «недопустимые грубые искажения текста» Шекспира и на то, что Радлова, не прислушиваясь к замечаниям критиков, продолжает републиковать свои переводы, «сохраняя в них даже буквенные опечатки» (Там же, с. 2). По словам Кожевникова[5], Радлова старается восполнить «синтаксическую неполноценность» текста актерской интонацией (Там же). «Литературность» перевода не может быть противопоставлена его «сценичности» [19, с. 4].

Чуковский поддержал Кожевникова, высказав мысль о том, что подлинную основу театра составляет лишь «сочетание сценичности с высокими литературными качествами, с поэзией» [23, т. 3, с. 177]. Отметим, что впоследствии Чуковский был менее аккуратен в своих высказываниях: Радлова – «разрекламированная невежда», ее переводы – «клевета на Шекспира», «постыдная вульгарщина» [22, с. 3].

«…Вывод, собственно говоря, получился один: не следует переводить Шекспира так, как переводила его Анна Радлова», – замечает критик М. Столяров, обозревавший конференцию в печати [19, с. 4]. Ему вторит В. Голубева, автор статьи «За подлинного Шекспира»:

Подводя итоги, проф. Морозов считает дискуссию, развернувшуюся на конференции, очень плодотворной. И не случайно, что основное внимание на ней уделено наиболее распространенным переводам А. Радловой. Плохие переводы мешают понять подлинного Шекспира, чьи произведения пользуются в нашей стране необычайной популярностью [5, с. 2].

В одном из писем Щепкиной-Куперник за 1941 г. Радлова вспоминает о конфликте вокруг ее переводов из Шекспира как о «травле»:

«В последний год мне казалось, что Вы изменились ко мне, и я очень рада, что, по-видимому, ошибалась. Думаю, что Вы поймете и извините мою мнительность, если вспомните, *какую неприличную травлю устроили мне Чуковский и Морозов в прошлом году*. Во время таких “испытаний на мужество” невольно человек замыкается, и ему трудно делать первые шаги, даже к друзьям» (курсив мой. – *Е. Л.*) [13, л. 4–4 об.].

Щепкина-Куперник, равно как и Смирнов, предпочитала не вмешиваться в полемику, хотя и знала о ней. Много позже переводчица вспомнит об этих событиях на страницах эссе «Шекспир» (1948) крайне скупо [24, с. 410]. Разделяя точку зрения Чуковского, с которым приятельствовала долгие годы, Щепкина-Куперник полагала, что мысль Шекспира важнее «механической формы фразы» (Там же).

* * *

«Война на шекспировском фронте», развернувшаяся в годы «большого террора», не всем участникам конфликта позволяла открыто и честно высказывать свою позицию. Особенно это касалось Смирнова.

[4] Александр Алексеевич Остужев исполнял в театре ряд шекспировских ролей – Кассио в «Отелло» Фердинандо в «Буре», Орландо в «Двенадцатой ночи, Бассанио в «Венецианском купце», Отелло в одноименной трагедии (постановка С. Радлова 1937 г.). К моменту конференции – Народный артист СССР и кавалер ордена Ленина, что давало ему авторитет.

[5] См. также статью Кожевникова [10].

Большим камнем преткновения оказалось и понимание термина «эквилинеарность», который, как кажется на первый взгляд, не содержал многозначной трактовки. Противостояние Смирнова и Чуковского – первый виток битвы за «истинного Шекспира», в основании которого – переводы Радловой и других буквалистов. Второй виток начнется в 1940-е годы и будет связан со стратегией доместикации шекспировских текстов. Его участники – Смирнов, Морозов и Пастернак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскина, М. Э. Филологически точный перевод 1920–1930-х гг.: люди и институции / М. Э. Баскина // Художественно-филологический перевод 1920–1930-х гг. / составление М. Э. Баскина. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – С. 5–82.

2. Богомолов, Н. А. Из истории переводческого ремесла в 1930-е годы. М. А. Кузмин в работе над «Дон-Жуаном» Байрона / Н. А. Богомолов // Русская литература. – 2013. – № 3. – С. 44–86.

3. Гаспаров, М. Л. Брюсов и буквализм / М. Л. Гаспаров // Мастерство перевода. – Москва : Советский писатель, 1971. – С. 88–128.

4. Гачева, А. Г. Гачев Д. И. / А. Г. Гачева // Русские литературоведы XX века. Биобиблиографический словарь в 3 томах / под редакцией О. А. Клинга и А. А. Холикова. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. – Т. 1. – С. 224–225.

5. Голубева, В. За подлинного Шекспира / В. Голубева // Литературная газета. – 1940. – 10 февраля. – С. 2.

6. Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / составление, вступительная статья и комментарии Т. Г. Щедриной. – Москва ; Санкт-Петербург : Петроглиф, 2013. – 760 с.

7. Егорова, Л. В. Б. С. Каганович. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962 / Л. В. Егорова // Вопросы литературы. – 2019. – № 5. – С. 286–291.

8. Каганович, Б. С. А. А. Смирнов и русские переводы Шекспира 1930-х гг. / Б. С. Каганович // LAUREA LORAE: Сборник памяти Л. Г. Степановой. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. – С. 704–727.

9. Каганович, Б. С. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962 / Б. С. Каганович. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2018. – 240 с.

10. Кожевников, В. Отелло А. Радловой / В. Кожевников // Литературный критик. – 1936. – № 9. – С. 164–185.

11. Луценко, Е. М. Сюжет о «Ромео и Джульетте» в письмах А. Смирнова Т. Щепкиной-Куперник / Е. М. Луценко // Вопросы литературы. – 2021. – № 3. – С. 210–252.

12. Письмо А. А. Смирнова Г. Г. Шпету от 1935 г. // ОР РГБ. – Ф. 718. – К. 25. – Д. 38. – 7 лл.

13. Письмо А. Радловой Т. Щепкиной-Куперник от 29 апреля 1941 г. // РГАЛИ. – Ф. 571. – Оп. 1. – Ед. хр. 961. – Л. 4–4 об.

14. Письма Т. Л. Щепкиной-Куперник М. Н. Зелениной 12–28 февр. 1937 г. // РГАЛИ. – Ф. 571. – Оп. 1. – Ед. хр. 325. – 46 л.

15. Радлова, А. Переводы Шекспира / А. Радлова // Литературная газета. – 1935. – 4 декабря. – С. 4.

16. Радлова, А. О переводе / А. Радлова // Гамлет: Трагедия В. Шекспира / перевод А. Радловой. – Ленинград ; Москва : Искусство, 1938. – 254 с.

17. Смирнов, А. А. Обновленный Шекспир / А. А. Смирнов // Литературный Ленинград. – 1933. – № 17. – 30 ноября. – С. 3.

18. Смирнов, А. А. Советские переводы Шекспира / А. А. Смирнов // Шекспир : сборник статей. – Москва ; Ленинград : Искусство, 1939. – С. 144–183.

19. Столяров, В. Как переводить Шекспира. Заметки о конференции / В. Столяров // Советское искусство. – 1940. – № 9. – 9 февраля. – С. 4.

20. Чуковский, К. Искаженный Шекспир / К. Чуковский // Правда. – 1934. – 12 августа. – С. 3.

21. Чуковский, К. Единоборство с Шекспиром / К. Чуковский // Красная новь. – 1935. – № 1. – С. 182–196.

22. Чуковский, К. И. Хартия вольностей переводчика / К. Чуковский // Литературная газета. – 1943. – 31 июля. – С. 3.

23. Чуковский, К. И. Собрание сочинений : в 15 томах / составление Е. Чуковской и П. Крючкова. – Москва : Агентство ФТМ Лтд, 2012–2013.

24. Щепкина-Куперник, Т. Л. Шекспир / Т. Л. Щепкина-Куперник // Из воспоминаний / редактор-составитель А. О. Богуславский. – Москва : ВТО, 1959. – С. 406–420.

E.M. Lutsenko

IN THE FIGHT FOR “THE TRUE SHAKESPEARE”: THE ORIGINS OF THE DISCUSSION OVER A NEW TRANSLATION METHOD IN THE 1930s.

The article is devoted to the new method of translation elaborated by A. Smirnov in the 1930s. The author focuses on the ambiguity of the interpretation of the concept of textual equivalence (equilinearity) proving that its misunderstanding led to the “war on the Shakespearean front.” Based on the analysis of archival and recently published sources, the article reconstructs a broad and, in many ways, heterogeneous picture of Shakespeare translations of the period.

A.A. Smirnov, M.M. Morozov, K.I. Chukovsky, A.D. Radlova, textual equivalence, translation, method.